

Булатов Юрьевич

Добрыня - сказ о том, как добрый молодец в кощея превратился.

«Автор»
2026

Юрьевич Б. А.

Добрыня - сказ о том, как добрый молодец в кощея превратился. / Б. А. Юрьевич — «Автор», 2026

Добрыня — сын пахаря из Сергеевского. Силы в нём на троих, ума — на одного, и живёт он просто: дрова, колун, невеста Марфа. Пока в его руки не попадает меч. Клинок не просто рубит — он забирает жизнь и отдаёт её обратно. Каждая отданная — боль, каждая взятая — сладость. И чем больше он берёт, тем громче в голове чужой голос: ты прав, ты судья, ты один знаешь, как надо.Тёмное славянское фэнтези о гордыне, которая приходит вместе с силой.

© Юрьевич Б. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Добрыня 6
Болото 10
Кузнецово 13
Тимофей 16
АД 20
Яга 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Булатов Юрьевич
Добрыня - сказ о том, как добрый молодец в кощея превратился.

ДОБРЫНЯ
Алексей Булатов

ОГЛАВЛЕНИЕ
Добрыня 3
Болото 9
Кузнецово 14
Тимофей 18
АД 24
Яга 29
Меч — первая кровь 34
Путь 38
Сапсан и Ястреб 43
На поляне 48
По следам 52
Дальняя дорога 56
Наталья 61
Великий доктор Сапсан 69
Старый враг, новый друг? 74
Поход 79
Разбойники 84
Степь 88
Астрахань 92
Султан 97
Судья 102
Ночь 108
Море 110
Деревня 116
Мудрый 119
Разлом 123
После 126

Добрыня

Жил да был добрый человек

«Интересно, муха долго может ползать по спине? Такое странное чувство, вроде и приятно, и щекотно. Ну пусть она еще побегает, пока тятя не орет».

В избе было по-утреннему прохладно и сыро. Мать не топила печь вчера, а август уже начинал напоминать об осени прохладным утром. Солнечный луч из окна падал как раз на спину, по которой ползала муха. И выбираться из этого теплого пятна в сырую нетопленую избу не хотелось.

«Мамка точно уже не спит, наверняка корову доит, сейчас вернется и печь затопит, вот тогда и встану».

— Добрыня, ах ты сукин кот! Ты что развалился? А ну за дровами побежал.

«Тятя проснулся, на печи, видать, тоже холодно уже. Вот незадача».

— Тятя, я сейчас.

Отец привычно заворчал на нерасторопного сына.

— Вот послало мне небо сына, неповоротливого. Семь сажень в плечах, а головой обделен. Мамка-то уже ни свет ни заря, корову доит, а он лежит себе хоть бы хрен. Печь три дня не топлена, в дровеннице пусто, а ему все равно. Сколько же ты, сыночка, на моих плечиках ездить будешь?

— Нисколько, тятя, я сейчас мигом.

«Нужно быстрей из избы выбежать, пока он не разошёлся».

Натянув рубаху и штаны, закинув ноги в разбитые лапти, бросился к выходу. На выходе чуть не сбил мать с ведром молока.

— Чур тебя, окаянный, ты куда?

— За дровами, матушка.

— Хорошо, хорошо.

Выбежав во двор, свернув в дровник, Добрыня тяжело вздохнул, глядя на разбросанные чурбаки.

«Эх, сейчас ведь вернусь, батя скажет, чурбаки рубить. Скажет, до холодов-то уже чуть, а дров уже и нету. Эх, прав так-то батя, но как же неохота, ну да ладно, надо рубить, нечего лениться».

Вздохнув еще раз и набрав полную охапку дров, пошел в дом.

Переступив порог, он увидел, что тятя уже свесил ноги с печи, собираясь соскочить.

— Что, принес дрова, детина?

— Да, тятя, принес.

— А видел, сколько у нас колотых осталось?

— Видел, тятя, пойду рубить чурбаки сегодня.

— Вот то-то, смекнул! — многозначительно сказал тятя, подняв палец вверх. — Вот только колун у нас один и на ладан дышит, нужно будет тебе в кузню сходить. Наш починить да новый выменять.

— Это ж куда в кузню-то? В Кузнецово? — вздохнула мать.

— Ну а куда ж еще? У нас одна кузня в округе-то. Ну или ждать ярмарки.

— Так печенеги ж шарят… — все так же с испугом сказала мать.

— Не бойся, мама, я тропками пройду, не заметят, еще ребят с собой возьму. Так что не забалуют.

— Кого возьмешь-то? — спросил батя.

— Да Святослава и Малого Кольку.

— Ну да втроем-то вам и не страшно против печенегов, но вы идите верхней тропой, коня услышите и в лес уходите, на рожон не лезте.

— Так когда идти-то?

— Да что тянуть, вот мама завтрак соберет, да иди.

Маме явно не нравилась идея отца, но перечить ему она не решалась. Поэтому, тяжело вздохнув, как умеет вздыхать только мать, она сказала:

— Садись, Добрыня, раз в путь-дорогу собрался, так накормлю тебя сытней обычного.

— Неча его баловать, мать. Ты лучше ему котомку собери, но тоже не балуй.

— Соберу, ты уж не волнуйся. Садись, Добрыня, ешь.

Мама явно злилась на отца и уже была на грани того, чтобы расплакаться или, что еще хуже, начать орать на батю. Батя явно почувствовал, что уже перегнул в строгости и вышел из избы.

— Мать, ты на него не сердись.

— Да ну его, с утра в хана заморского играет, куда он тебя посылает? Колун нормальный, замотать тряпицей да размочить топорище, и нормально будет, поколите все.

— Нет, мам, колун и правда плох, два раза плюхну и разлетится он.

— А ты сторожней плюхай, сторожней. А то тут прав отец-то, сила есть, а ума-то немного. На тебя никаких колунов не наберешься.

— Ну полно, мать, колуну-то лет больше, чем мне, он в прошлом году уже трещину дал. Я-то тут при чем?

— Ну так и возьми колун у друзей своих.

— Ну что мы в деревне сидеть будем безвылазно? Всего-то слух прошел, что печенегов в поле видели, и уже все по домам в страхе, что мыши в норах.

— А ты слушай мать, да на ус наматывай, она тебе плохого не скажет. Слышали, значит, нет дыма-то без огня.

— Да мы леском, да полем быстро обернемся. Колун-то нужен.

— Колун нужен.

Мать поняла, что решение уже принято и спорить бесполезно. Но все еще продолжала ворчать, что-то себе под нос.

«Так, значит, можно сегодня за колуном пойдем, нужно к Марфушке зайти, может, гостинчика ей привезу».

Мысль о Марфе взбодрила и заставила двигаться быстрей. Что не могло укрыться от взгляда матери.

— Что удумал? Своей гостинца привести?

— Да, матушка, ты прям все знаешь.

— Что ж тебя не знать-то, ты ж чадо мое родное. Ладно, возьми копейку, купи ей пряника в Кузнецово, хорошие пряники.

— Да что уж копейку! — строго промолвил отец, и Добрыня замер в ожидании, что тятя запретит брать денег. — Возьми пятак, да купи еще снеди. Донесешь ведь сразу все?

— Донесу, тятя.

— Ну вот и ладно.

Кузнецово, в отличие от Сергеевского, где родился и жил Добрыня, было большим селом со своей церковью и рынком. Походы туда всегда были целым мероприятием. Вот и в этот раз поход за колуном троих молодых парней превратился в экспедицию. Как только Добрыня сообщил своим друзьям, что собирается сегодня, со всех дворов посыпались заказы и задания. И легкая прогулка превратилась в тяжелую задачу. Два колуна и четыре топора нуждались в ремонте. А уж обратный путь всяко будет тяжелым, потому что придется нести множество покупок. Так, одних денег им с собой почти рубль насобирали.

— Ты все начертал? — грозно спрашивал отец Малого его дед.

— Все, деда, все.

— Смотри у меня, чтобы не как в прошлый раз, а то больше не пошлю тебя, окоянного, тупой отрок. Лучше уж Настю, сестру твою, посылать, она-то умней тебя будет.

— Да будет тебе, деда, ну куда ты бабу-то пошлешь? Что она супротив печенегов делать будет?

— А ты много супротив-то сделаешь? Стороной идите, да ведите себя тихо.

Сафа был старостой Кузнецово и старшим по деревне. Он в общем-то и организовал сейчас весь поход троицы. Добрыне эти сборы были невмоготу, он мечтал сейчас побыть с Марфушкой, к которой он даже не успел забежать со всеми этими сборами. Отчего теперь сильно маялся. Но на все попытки улизнуть Сафа реагировал зло и громко.

— Куда ты собрался? Вот вернешься, и тогда уж чем угодно занимайся, а сейчас слушать меня. Раз за дело взялись, то уж давай честь по чести.

На высказывание деда шло довольное хмыканье тяти да не одного, а всех, кто тут собрался, и Добрыня сникал.

«Может, она сама придет? Ведь не может не знать, что мы уходим, должна же прийти? Видать, мамка не пускает, ух уж мать у нее, до чего же злая. За что ж она меня так невзлюбила? Вроде и не делал ей ничего дурного, ну разве что коту их хвост поджег в печи, но это когда было? Я ж тогда под стол пешком ходил, да и выжила животина-то. Ну поорала пару дней, так что ж с того. Вот Святослав так тот вообще сарай спалил, всей деревней тушили, а она его привечает. А меня как туча грозная всегда».

— Добрыня! — раздался звонкий девичий голос.

— Марфа, ты пришла, а я уж думал-гадал, придешь проводить или нет.

Марфа подбежала к Добрыне и звонко чмокнула его в щеку.

— Ты мне гостинчика с Кузнецова принесешь?

— Конечно, пряничков медовых.

— Да ну твоих пряников, я лучше спеку. Ты мне отрез привези, ткани красной. Мне матушка сказывала, что есть у них сейчас. У Хромого Васьки. Вот коль любишь, привези. Я из него сарафан сошью, а в нем под венец с тобой и пойду.

Дыхание Добрыни перехватило и бросило в жар.

— Так уж и пойдешь?

— Так и пойду.

— А как же матушка твоя?

— А что ты моей матушки боишься? Ты ее в жены взять хочешь иль меня? Аль не хочешь уже?

— Хочу, Марфушка, больше жизни хочу.

— Вот и славно.

Марфа еще раз звонко поцеловала Добрыню в щеку. А потом вдруг, притянув его, еще раз поцеловала в губы, да так, что Добрыня стал красный от головы до пят.

Отстранившись, она взглянула на него и звонко рассмеялась.

— Ух, какой ты красный, что рак речной после кипятка, — сказала она и убежала.

— Вот так даа, — промолвил Сафа, — так у нас, значит, свадьба будет по весне?

— Да погоди ты, свадьба, — вмешался отец Добрыни, — дом-то еще не готов. Где им жить-то? Этот лежебока-то сруб-то не сладит сам.

— Да поможем мы ему всем миром, не гунди. Дело молодое, любовь у них. Так что не осрамись с отрезом, Добрыня, угоди уж Марфушке.

— Да как же ж, я же, это. — Добрыня окончательно смутился и расстроился, отреза на выделенную ему копейку не купишь, это точно. Оставалось только побатрачить на Хромого Ваську, чтобы в уплату отрез взять. Но что он запросит.

— Не боись, Добрыня, подсобим мы тебе, — сказал Святослав, улыбаясь. — И с избой подсобим, и с отрезом. Ваське работники всяко нужны, осень же. Дров ему нарубим, а в уплату отрез возьмем.

— Правда?

— Да правда, правда. Так что не вешай нос.

Воспрянув духом, Добрыня улыбнулся.

— Ну пошли, ребята, пошли.

Ребята пошли на выход из деревни, но не успели они пройти и сотни шагов, как их остановил крик.

— Стой, Добрыня.

Обернувшись, Добрыня увидел матушку, которая спешила их догнать.

— Да, матушка, что?

— Вот возьми, тятя тебе передал, — сказала мама, протянув ему узелок.

— Что там?

— Гривенник там, тятя-то услышал, что ты в подарок отрез купить намерился и передал тебе. Но вот сам не пошел, типа он же строгий у нас. Меня вот послал, еле успела.

— Как откуда гривенник? Не надо было, я бы и так отработал.

— Да хватило б тебе гривенника, Васька-то жадина, так просто тебе работы не даст. За ткань хорошую сгнобит со свету. Вы втроем у него год в рабах проходите. А так точно, может, дров ему еще нарубите.

— Ну, мама, спасибо. И тятю за меня обними.

— Ну полно, тебе полно, идите да сторожней, сторожней там. От греха подальше…

Болото

— Эх, давно хотел вырваться, что-то совсем меня дед загонял. Все-то у него дела, да дела. То туда беги, Колька, то туда. Воды принеси, да не простой, а родниковой, да не просто в кадку, а в помытую той же родниковой. Хорошо ты, Добрыня, придумал, в Кузнецово-то сходить.

— Да я не придумывал, колун-то и правда худой, а дрова рубить уже пора. Чурбаки-то сухие.

— Да нужно свою кузню построить. Что мы за каждой мелочью-то к ним ходим.

— Да построить несложно, а кузнеца где взять? Ты, что ли, в кузнецы пойдешь, Святослав?

— А может, и пойду? Вот напрошусь в ученики к Тимофею и пойду в кузнецы.

— Ты в кузнецы? — с сомнением возразил Добрыня.

— А что? Ты думаешь, не потяну? — с вызовом вскинулся Святослав.

— А ты Тимофея видел? — возразил ему Колька. — Он же с двух Добрынь будет в обхвате.

— Ну и что? Если я молотом с его помашу, так я с трех стану.

— Тише, что там, слушайте.

Троица остановилась и начала внимательно прислушиваться.

В повисшей тишине отчетливо послышался топот копыт.

— Кони, точно кони. Печенеги. Айда в бор.

Что было сил ребята побежали в лес, в сторону от основной дороги. Благо он тут был по обе стороны.

— Тише, ребята, тише. Не шумите. Вот давайте за сосны.

Отбежав от дороги, ребята остановились и спрятались за соснами. Поклажа в заплечных сумках предательски шумела. Бежать тихо было невозможно, поэтому они притаились и ждали. По дороге проскакало с десяток лошадей, шум которых они услышали. Подождав, пока шум копыт не стих, они вернулись на дорогу.

— Печенеги?

— Они самые, вон следы подков их.

— Да, точно, не наши подковы. Интересно, а как они лошадей обувают?

— Сказывают, что у них в стане есть своя кузня. Типа шатра кузнечного из шкур животных.

— Иди ты, а как же они там горн-то держат?

— Да откуда ж я знаю, я никогда у них в стане не был.

— Еще бы ты там был, они мужчин-то по колесу арбы ровняют. А ровный ты бы нам уже про горн тут не заливал, какой из тебя кузнечных дел мастер выйдет.

— Ну тебя, Колька. Мне правда интересно дело кузнечное, ну тянет меня к железу. Тебя вот к рыбной ловле тянет, а Добрыню к Марфе.

— Да уж он у нас подъюбочных дел мастер, видимо, будет, нужно только ему учителя найти.

Дружно рассмеявшись над шуткой, они двинулись дальше по дороге.

— Ну а правда, Добрыня, ты бы какое дело хотел?

— Не знаю, так-то пашу я с отцом, вы же знаете, мы же пахари. Но, честно, не любо мне это. Я бы ратное дело освоил.

— Ишь ты, ратник, а как же ты жениться-то собрался? Ратнику-то нельзя жениться.

— Да знаю я, но сердцу ведь не прикажешь.

— Не прикажешь, знать, быть тебе подъюбочных дел мастером, — второй раз сшутил Колька. Но второй раз сказанная шутка уже не вызвала смеха.

— Полно те, Колька, еще раз так пошутишь, всеку.

— Ладно, ладно, Добрыня, други же мы. Не буду уж шутить про то. Да и сам я, честно, тоже думаю, надо бы уже любовь найти. Но у нас-то и нет никого. Из девиц-то добротных только Марфа да сестра моя. Остальные-то либо старые уже, либо совсем еще зеленые.

— Это ты верно подметил, Малой, — вторил Святослав. — Мала у нас деревня, всего-то двадцать дворов. Потому нам и нужна кузня своя, будет кузня, будут пришлые работники.

— Да дело ты говоришь, дело. Тише, опять кони?

Ребята опять остановились и начали вслушиваться.

— Да кони, а чуете, дымом пахнет?

— Видать, стан у них тут.

— Это ж как они к нам близко-то? Ух, не к добру это. Раньше нужно было в Кузнецово весточку воеводе нести.

— Да когда раньше? Они неделю как пришли, не больше. Когда Макарий-то в лес ходил, он-то и сказал. Так что мы в самое время идем. Но как нам их обходить?

— Да через «Попово болото», видимо, топать придется.

— Что, через Гать?

— Нет, зачем, через тропу, что слева обходит, через грибной холм.

— Но это мы верст двадцать лишних же навернем.

— Зато грибов наберем, да сварим. Там и заночуем, а поутру как раз уже до Кузнецово доберемся.

— Коля дело говорит, так безопасней будет. У них вокруг стана наверняка сторожилы стоят, заметят нас, добра не сосчитаем да по колесо арбы укоротимся.

— Да, Святослав, так и будет, пойдем через Попово. Ух, только комары нас зажрут.

— А мы травкой намажемся, мне дед показал, какой, и не сожрут.

— Да ну твои травки, они воняют хуже навоза.

— Ну не хочешь, не мажся, пущай тебя жрут, а я лучше уж намажусь.

«Да вот выбор, либо вонять этой травой, либо, чтобы сожрали. Ночью-то не уснуть будет, тут на поповом-то комары злые, а сейчас-то особенно. Лучше уж намазаться этой травкой. Вернемся в баню пойдем, а может даже в Кузнецово баню найдем. Какой сегодня день-то?»

— А какой сегодня день?

— Что, тоже про баню в Кузнецово подумал?

— Ага.

— Да среда сегодня, так-то до субботы еще далеко.

— Ну так, значит, дома, в самый раз будет.

Лес становился все гуще по мере того, как уходили вдаль от дороги. Лес был совсем не из тех, по которым можно было гулять. Поваленные деревья, вырванные с корнями, заросшие ивняком — местами было вообще непроходимо. Святослав, который лучше всех знал лес, успокаивал.

— Через пару верст выйдем на ягодную тропу, там легче будет.

— Скорей бы, тут все ноги можно посбивать, да и клещей нахватаем, — жалостно проныл Малой.

— Ну потерпи, уж лучше так, но целыми.

— Да я согласен.

Обещания Святослава оказались правдой: пройдя еще несколько заваленных кусков леса, ребята действительно вышли на тропу. Тропа называлась ягодной по двум причинам: первая — тропа шла по краю болота, на ягодные поля. Вторая — сама тропа была с обеих сторон в клюквенном мху. И клюква, сейчас еще зеленая, была по обе стороны.

— Ну вот и она! — радостно воскликнул Святослав. — Теперь пойдем существенно быстрей. Нужно было раньше выходить.

— А грибы-то где будут?

— Да тут и будут, сейчас еще чуток пройдем, и слева пойдет ель, там и наберем.

И опять Святослав оказался прав: как только начались ели, сразу пошли боровички, которые быстро заполнили котелок.

«Почему грибы всегда попадаются тогда, когда их не во что собирать? Вот была бы корзина двухведерная, наверняка бы ни одного так просто не нашли. А когда вот один котелок, так вона их сколько. Но боровички — это хорошо, ужин вкусный будет».

— А вы знаете, что тут рядом Баба Яга живет? — спросил Коля. — Я до ее избушки с дедом доходил этим летом.

— Да иди ты, сказки все это, — возразил ему Святослав.

— Да не сказки, честно тебе говорю. Были этим летом у нее. Я, правда, в саму избу не заходил.

— А что твой дед? Зачем он к ней ходил?

— Да захворал он, сильно вот и попросил меня его проводить. Вроде как знакомы они.

— Твой дед самый старый в деревне, тятя мой говорил, что его тятя твоего деда уже старым помнит.

— Да он старый, самый старый точно. А баба эта еще его старше, ужас вообще. Да и живет одна, прямо в центре болотины, вокруг топь.

— А что, правда у нее дом на курьих ногах, типа вертится по приказу?

— Ну вертится-то он точно вертится, но не по приказу, от ветра. Там избушка-то не избушка, непонятно что, типа шалашика между деревьев. Ветер подует, он и вертится.

— Как же она там живет?

— Да вот так и живет, на травах да на ягодах. Старая, сморщенная, что гриб сушеный. Воняет у нее там и с болота, и с избы ее, и от нее самой. — Коля сморщил нос от воспоминания. — Фу, мерзость. Не пойду туда больше, сколько бы дед ни просил.

— А далеко это отсюда?

— Да вот рядом совсем, вот тропу видишь, вот по ней, но там дальше топь, тропу не видно толком. Но дед уверенно шел, думаю, и я бы дорогу нашел. Но точно не пойду.

— Так что, деда-то она вылечила?

— Да не болел, похоже, дед совсем, я так и не понял, зачем мы туда ходили. Он ей такой: — Смотри, внука тебе привел, — а она на меня так посмотрела, понюхала что-то и говорит: — Не ярый он. — Он тоже на меня посмотрел и сказал: — Ну нет других.

— И что это значит?

— Да я так и не понял, дед после этого ни слова не сказал. Домой вернулись, он на печи залег и не вылазил больше, все хворал вроде. Хоть, по-моему, он покрепче многих будет. Странный он дед.

— Да дед у тебя и правда странный. Лекарь известный на весь мир, но никого лечить не хочет. Сколько его просили, когда бабка моя умирала, ни в какую даже травки никакой не дал. — припомнил старую обиду Святослав.

— Да он такой, чудной. Все говорит: — Всему свое время, пришло умирать, надо умирать, нечего землю лишнего топтать. О, смотрите, красноголовый, целая поляна. Ух!

Кузнецово

— Ну вот сейчас вот через эту рощицу пройдем, дальше тропой вниз пойдем и выйдем прямо в Кузнецово, — сказал Святослав. Как в подтверждение раздался перезвон колокола.

— О, слышь, к заутренней звонят. Хорошо, что мы рано пошли, авось сегодня и вертанемся.

«Да уж рано, комары нас на крыльях донесли, поспать-то и не вышло, ну отыграюсь я на тебе, Колька, за траву твою вонючую, всяко же поиздевался просто. Мы вчера мазались ей как дурные, а толку? Только костер потух, как комары нас с места согнали».

— Добрыня, ну не злобись, — как будто читая мысли, заныл Колька. — Ну, может, я перепутал травку, а может, она просто силу уже потеряла, уж ночи-то холодные.

— Перепутал, он. Вот в нужник тебя головой опущу, чтобы ты так же вонял, тогда вот перепутаю.

— Ну полно те, Добрыня, — вступился Святослав. — Он же и сам в траве-то своей извазюкался, да побольше нас, гляди вон, зеленый весь.

Колька и правда тер себя травой до одурения, пытаясь доказать друзьям, что она помогает от комаров. Но то ли комары были слишком голодные, то ли травка была не той, но как только погас костер и пришел первый сон, они буквально ободрали все неприкрытые участки тела ребят, почти до костей.

Лучше бы я можжевельника набрал, да в костер бросил, чтобы тлел. Послушал тебя, вот теперь воняю на весь лес. А комары по-моему на этот запах только охотней слетаются, она для них, что гарнир к мясу.

— Ну все, все, Добрыня, ну перестань. Вон уже колокола слышно, перестань бубнить.

«И ладно, что это я прямо, что в первый раз что ли комары сожрали. Главное помыться, вонь эту перебить, прав, Святослав, найдем баню в Кузнецово, а нет, так по возвращению напаримся. Главное отрез этот найти из ткани. Вот она мне задачу-то поставила, ох. Как же я с ней жить-то буду? Это я что же, уже как Тятя должен стать? Строгим таким? Не, не стать мне таким, как Тятя, ух что ж делать-то?»

— Не хмурься ты, Добрыня, — дружелюбно сказал Святослав.

— Да я уж о своем, думаю: ну какой из меня Тятя?

— Да ты посмотри на себя, косая сажень в плечах, да ты лошадь поднимаешь.

— Да что там лошадь, ты со всадником в печенежских доспехах поднять сможешь.

— Смочь-то смогу, но тут ведь сила-то не та нужна. Тятя у меня вон строгий какой, рассудительный? А я?

— Так поживешь с Марфой, строгим станешь, она у тебя вон какая хваткая. Так что не горюй.

— От этого еще боле страшно. А чем это пахнет?

С Кузнецово тянуло дымом и едой. Время было раннее, во всех домах топили печи и готовили. Все это сваливалось в единый запах, от которого у голодных ребят начинало сводить желудки.

— Эх, мало мы вчера грибов-то набрали, надо было больше. Сейчас бы еще поели, — горестно вздохнул Малой.

— Да ладно, сейчас придумаем чего-нибудь.

«А в Кузнецово-то нас так просто не накормят, тут родственников-то и нет, придется в сухомятку. Ну, может, молока найдем. На рынке-то точно молока найдем».

Выйдя из леса, ребята увидели деревню. Деревня располагалась на берегу речки Волочок. Речка в это время года была уже не речкой, а тонким ручьем, который тек с того самого Попова болота. Деревня Кузнецово была большой деревней, от леса до самого озера Кубского.

Больше двухсот дворов расположены по берегам речки, которая служила и источником воды для стирки и мытья. Ближе всего к воде были расположены баньки, на которые сейчас ребята смотрели с надеждой.

— Вон смотри, дым идет, наверняка постирушку затеяли. Пойдем спросим, может, воды натаскаем да попаримся? — предложил Святослав. — Неохота на рынок идти с вонью этой.

— Дело говоришь, пойдем.

Подойдя к баньке, из которой шел дым, они встретили женщину преклонных лет, которая сидела на ступеньках бани с уставшим видом.

— Здравствуй, мать, может, подсобить тебе? — начал Святослав.

— Вы откуда такие охломоны?

— С Сергеевского, вот через лес к кузнецу пришли.

— Чем это от вас несет?

— Да от комаров пытались защититься.

— Болотной травой от комаров? Это кто ж у вас такой умный?

— Да вот Колян у нас умник, все говорил, что знает, как с гадами бороться.

Колян стал пунцово красным и потупил глаза.

— Ну немудрено, конечно, багульник с дремликом перепутать, они на вас, как на свежее мясо с приправой заморской, слетелись со всего леса, небось?

— Да, мать, слетелись, до сих пор вон хвост от самого леса за нами.

— Да уж вижу. Кадку в бане мне полнехонькую натаскайте с ручья, с леса березку притащите, да порубите мне на поленья, да помельче. Чтобы мне на 3 раза хватило. Порты свои снимайте, потом я все вам простерну, пока паритесь, все обсохнет на печи. Давайте, вонючие, бегом.

— Спасибо, мать, мы быстро. Враз обернемся, — радостно сказал Колян. — А как же это я багульник с дремликом-то перепутал? Ох, я болван. Батьке только не говорите.

— Наоборот, скажем, чтобы он тебе ремнем память закрепил.

— Ну полно вам, братцы. Ну попутал, с кем не бывает, теперь уж точно не перепутаю. Багульник-то все вы знаете. От кашля зимой отвар же с него. А дремлик — это бестолковая вонючая травка, ну как так? От него только красота одна. Вот я где-то, наверное, и попутался.

— Ну ничего, милок, отмоешься, теперь на всю жизнь запомнишь.

«Как же нам свезло, вот свезло, матушка тут хорошая, и одежду нам постирает, это я к Марфушке с отрезом и чистый ворочаюсь».

Напарившись, ребята сели возле бани.

— Эх, сейчас бы самовару, — мечтательно произнес Колян.

— Так в чем же дело? Самовар тут вон, затопи да пей, травы чайные там же, под крышей, висят. Не перепутаешь?

— Ну нет, матушка, уж чего-чего, а чайные травы я не перепутаю.

Через несколько минут самовар уже пыхтел дымом, набирая температуру, а ребята, еще более довольные, сидели возле него в ожидании чая.

— Но вы тут не засиживайтесь, сегодня не суббота, вы ж по делу в Кузнецово?

— Да, матушка, по делу: колуны чинить, да по снеди всякой с заказами.

— Ну вот и не рассиживайтесь. Уберите все, где взяли: самовар и травы, что не заварите. Я пошла.

— Помочь тебе?

— Нет, сама уж. Кузнец сейчас дома, вот его дом, видите, с зеленой околицей.

— Да.

— Прихворал он, Тимофеем его звать.

— Что, сильно занемог?

— Да нет, уже нормально, вчера видели на улице, воду таскал. Но он рад будет помощи, кузня-то остыла. Так что не засиживайтесь.

Тимофей

В доме кузнеца было тихо и сыро. Дом явно давно не топили.

«Как его звать-то?» — шепотом спросил Святослав.

— Вроде Тимофей, — ответил ему Колька.

— Тимофей, ты дома?

В доме послышался какой-то шум и кашель. И потом раздался хриплый голос.

— Кто там?

— Мы с Сергеевского, нам бы кузнеца Тимофея.

— Был Тимофей да весь вышел, ну заходите, что вы там встали.

На печи в центре избы послышалось шевеление и покашливание. Ребята робко вошли и встали у порога.

— Ну что вы встали? Заходите, коль пришли, — ворчливо бурчало с печки, недовольным голосом. — Не дадут Тимофею помереть спокойно, что вам надо-то?

— Да кузнеца бы нам?

— Кузнеца им, всем кузнеца подавай, а кузнецу кто бы воды принес, да печь помог растопить? Приболел — вот и все бросили.

— Так это мы мигом. Колян, давай травки свои, лечить будем, Добрыня, давай за дровами. Сейчас мы мигом печь затопим и отвару тебе наварим.

— Не надо мне уже отвару, просто печь затопите, да воды в кадку наносите, вот польза от вас будет.

— А где ведра?

— В пологу, там и колун, чурбаки на заднем дворе, кольник один. Я уж после сам все перерублю, так прихворал вот совсем некстати. Но уже здоров, токма слабость. Вот поможете мне разогреться, авось и выйду уже с берлоги.

— Да мы поможем.

В избе началось движение. Уже через несколько минут печь, слегка подымив, разгорелась. А вода в кадке уже была по самый верх. Чугунок с холодной водой стоял в устье печи, набирая жар. Тимофей, явно довольный тем, что его изба начала оживать, умылся и привел себя в порядок.

— Вот она жизнь-то, пока молотом машешь, всем нужен, а как слег, так и не заглядывает никто.

— Так в полях, видимо, все, сейчас вот пойдут к тебе за колунами да плугами, а тебя и нет. Сразу искать будут.

— Ну и то верно, если уж и болеть мне было, так в эту годину, сейчас уже и нет. А вы-то ко мне с чем?

— Да вот тоже колуны да по мелочи набралось, вот нас в поход и отправили. А Добрыне вот еще отрез невесте купить надо.

— Это у Васьки-то? Да он хороший ткани привез, красивой, уж все знают. Только цену он ломит, лютую. Денег-то вам хватит?

— Да не знаю, а какую цену?

— Рубль за отрез, говаривают, просит.

— Целый рубль? — У Добрыни лицо побелело и внутри все опустилось. Рубль было не набрать.

— А сколько есть-то?

— Да не много, мамка гривенник да папка алтын дал.

— Ну не вешай нос, поможем тебе, Васька мне должен. Раз уж вы меня тут так разогрели да напоили, попробуем сговориться.

После слов Тимофея внутри Добрыни взыграло нутро, которое до этого готово было через горло выйти от досады. Он с радостью вскочил в желании еще больше угодить Тимофею. Но Тимофей, видя такое рвение, остановил Добрыню.

— Тише, остолоп, тише, ишь взвился. Вы мне еще кузню на ход поставить за это поможете, я горна больше недели не топил, да к зиме угля мне нужно приготовить. Так что баш на баш.

— Да это мы все мигом, Тимофей, уж лучше тебе, чем Ваське. Да и вон Святослав наш в ученики к тебе хочет, хочет кузню в Сергеевском сделать.

Святослав от неожиданности сказанного Добрыней уронил на пол чашку. Чем тут же заслужил насмешку Тимофея.

— Это вот этот криворукий мне в ученики?

Все, кроме Святослава, дружно заржали над удачно сложившейся шуткой. А Святослав, красный как рак, насупившись, пробурчал.

— Ну что вы, никакой я не криворукий.

— Да ладно тебе, это ж мы так, по дружбе, — вступился за друга Колян. — Он и правда не криворукий совсем, Тимофей, это он от неожиданности. Он это нам в лесу сказал, что хотел бы пойти, а мы все сомневались, осилит ли он молот. Щуплый такой.

— Щуплость-то пройдет, как раз молотом помашет с годик и круче меня станет. А насчет ученика, то вы прям в самое время пришли, мне помощь-то прямо сегодня нужна будет, до первого снега со мной останешься, подсобишь, а там уж разберемся на постоянку.

— Что, правда? — обрадовался Святослав.

— Стой, куда ты собрался? А мы что, одни домой попрем? Твой скарб-то кто тащить будет?

— Ну ребят, я вертанусь сам, донесу. Вот Тимофею помогу, пока он не окрепнет, и метнусь.

— Ну вот и порешали. Но сегодня вы все мне помогаете. Ты, — он показал пальцем на Коляна, — оставайся в избе, следи за печью и готовь жрать. Ты, — он показал на Добрыню, — бери кайло и долби уголь, нужно много угля. Раз Бог мне послал трех добрых молодцев, так я за день все сделаю.

— А что это мне жрать готовить? Я бы тоже лучше с кайлом.

— Ну, Коль, ты же и правда лучше всех нас кошеваришь, так что тебе и готовить.

— Ну ладно, — насупился Колян. — С кошеварю вам, а есть с чего?

— В подполе и в пологу все, что найдешь, все твое.

Выйдя из избы, ребята с Тимофеем направились в сторону кузни, которая была в устье Волочка, прям на берегу озера. Добрыня опять радовался: найти работу так просто, чтобы заработать на отрез, — это то, о чем он мечтал. Всю дорогу до кузни он уже дарил отрез ткани Марфе.

«Вот она удивится, сдюжил ее Добрынюшка, утру я нос ее матушке-то, ух утру. Слова больше не скажет, самая красивая невестушка-то у меня будет. Все Сергеевское завидовать будет, да и Кузнецово тоже, и с Мартыновского пригласим гостей, и с Митинского».

— Ха, Добрыня-то уже, видать, в мыслях обженился, — весело крикнул Святослав.

— Да уж даже не видит, куда прет, — вторил ему Тимофей.

Добрыня остановился за метр до того, как врезаться в чужую изгородь. Еще бы чуть-чуть, и он бы действительно снес ее со своего пути.

— Добрыня, оставь Кузнецово на месте, не разноси его, будь добр, — весело сказал Тимофей, а Добрыня, смутившись, ответил.

— Да уж так назад хочется. Весь в мыслях.

— Да не спеши ты, уж все равно ждать-то до весны. Так что терпи уж, тебе чем тут дольше, тем лучше.

— Ну нет, мне к ней поближе надо.

— Ладно, будешь поближе, вон там кирка, вот там уголь, телегу видишь? Чем быстрей мне нарубишь угля, тем лучше, да руби мельче, большие куски плохо. А ты давай дрова, тащи вон оттуда, да горн разжигай. Только тоже не спеши. А я пока схожу до Васьки, он на рынке небось уже. Когда вернусь, чтобы горн уже раскаленный был.

— Ладно, Тимофей, сделаю.

— Да еще инструмент весь разложи, помойте да приберитесь тут.

— Все сделаем.

В кузне было грязно и холодно. На полу валялось множество кусков железа, все было покрыто толстым слоем грязи.

— Ну что, сначала разожжем, а потом убираться будем?

— Что значит будем? Это твоя часть работы, моя — уголь.

Добрыня побыстрей взял кирку и телегу и отправился к горе угля, которая была вывалена на бережку неподалеку.

«Убирать эту помойку? Ну нет, сам уж убирай, это ты кузнецом стать хочешь, а мое дело вот кучу наколоть да нарубить, вот я ее наколю и нарублю. Прям всю кучу сейчас смету: он придет с отрезом, а я уже полную кузню ему под крышу углем навалю».

— Ну что, Добрыня, пришел на твои улицы праздник? За этот отрез ты мне должен десяток таких куч в пыль мелкую растолочь.

— Да где ж я десяток-то возьму? Тут одна куча, ее в пыль могу два раза расколоть.

— Да не надо, Добрыня, свои люди сочтемся. Давай уже забьешь доверху угольный сусек и на этом все.

— Да давай я его размотаю на куски.

— Не надо, мороз вдарит, его льдом скует, вообще ни куска оторвать не смогу. Лучше уж глыбами.

— Может, поближе к кузне перевести?

— Тоже не надо, там возвышенность, а тут низинка, ручьи черные течь будут. Все уже проверено тут с годами. Вы в Сергеевском если кузню ставить будете, хорошо подумайте, где ее ставить. Ты, Святослав, что, полы тут помыл?

— Да.

— Бестолковое дело, но спасибо, конечно, хорошо как убрал-то, и инструмент весь разложил по полочкам. Да выйдет из тебя подмастерье. На, Добрыня, держи свое приданое.

Тимофей отдал Добрыне сверток, который тот взял, как что-то драгоценное.

— Отнеси в избу и возвращайся, мы к старосте еще должны сходить, когда уборку закончите.

— К старосте?

— Вы по дороге шли или через болото?

— Через болото свернули, печенегов обходили.

— Вот то-то и оно, вот к старосте и надо. Дружину он звать княжескую будет. Но нужно точно знать, что пора пришла. Ты иди, иди, нечего тут с отрезом сидеть, замараешь или прожжешь. Ну и неси все, что вам там чинить надо.

В доме старосты собралось народу почитай вся деревня да приезжие. Ребята с трудом протолкались через полог. Тимофей, который их привел, орал страшным голосом.

— А ну пропустите, что вы тут скопились? Что вам тут медом намазано?

— Тимофей, правда, что ли?

— Что, правда? Сороки-белобоки? Вам все до слухов надо? А ну пошли отсюда. Сафа, что ж ты народу-то полную избу нагнал? Ты тут что устроил-то?

— Тимофей, — кричал ему в ответ Сафа, — да понабились тут, спасу нет. А ну пошли отседа. Нечего тут уши греть, все потом расскажу.

Народ нехотя расходился, но настолько нехотя, что разошелся не далее околицы. Но все-таки в доме хоть стало свободней. Ребята прошли в светлицу и сели на лавку. Сафу все знали: староста Кузнецово бывал в гостях у Добрыни совсем недавно. Он был за главного во всем известном Добрыне мире. Почетный гражданин и званый гость в каждом дворе.

— Так, Добрыня, Святослав и Коля, вы с добрыми новостями?

— Да мы, Сафа, — решил за всех ответить Добрыня. — Без особых новостей, мы с заданиями до кузнеца. От всего Сергеевского. Пришли колуны чинить, да топоры. Ну и за снедью нас всякой подрядили.

— Вот сороки, вот белобоки, а мне-то уж тут наплели, что вы едва живы от печенегов вырвались? Что они вас так уж затравили, что дух от вас на весь лес стоял?

Добрыня потупил глаза в пол, чувствуя, как краска разливается по его лицу.

— Да не то брешут, печенегов мы не видали, только слыхали. По дороге шли, впереди конники были, мы от греха подальше, через болото пошли. А дух-то наш Коля травку от комаров спутал, и вот мы с духом в баньку-то в деревню и вошли, но спасибо добрым людям, отмыли.

В избе повисла минутная тишина, которая взорвалась громким смехом Тимофея и Сафы. Но посмеявшись, Сафа опять стал серьезным.

— Про травку и дух понятно, так и думал, что брешут. А вот про конников, значит, правда. Много их было?

— Сложно сказать, вроде не очень, быстро проскакали. Но мы кругом обошли.

— Да вот вы не первые, с Зубарева приходил Митька, говорил, что Верхотину сожгли они. Ищут что-то вокруг или кого-то. Отряд небольшой, но шибко воины хорошие. Что они в наших местах забыли, непонятно. Нужно, видимо, княжью дружину звать, не совладать нам с ними, — сказал Тимофей.

— Да князь под осень нам дружину-то не пошлет, а если и пошлет, то нам ж ее до весны харчевать. Дожди-то начнутся, они уже от нас и не уйдут.

— И то верно, ну может, от десятины освободят за то?

— Может, и освободят, если печенегов изловят, а ежели не изловят, так еще и осерчают, что зря позвали. Так-то печенегов никто еще не видел, только слышали. А Верхотины той 2 дома, может, и сами сгорели. А страху-то теперь на весь мир.

— Может, и сами, может, и верно, но может, возьмем часть с десятины, да мечей накуем? У меня ученик вроде ладный из Сергеевского, я теперь более рукастый.

— С десятины брать ничего не позволю! — грозно встал Сафа. — Руды у тебя и так вдосталь, а время есть, так плуги вон чини с учеником. Весной в поля выходить, а ни борон, ни плугов справных нет. Ты вон три недели считай горна не разжигал. У тебя уж очередь на починку.

— Могли бы и помочь с хворьбой-то мне, — обиделся Тимофей. — Лежал дома один, как сыч, никто и не проведывал даже. Вот спасибо ребятам — на свет божий вернули.

— Да что ж ты брешешь-то, Тимофей? Не наведывался к нему никто, Светка-то за тобой все три недели ходила. А ты, бобыль старый, ее гонишь все время.

Добрыня посмотрел на ребят и кивнул головой в сторону выхода. В избе разговор явно уходил в сторону местных дрязг, которых в каждой деревне было множество. И ребята, встав, вышли на воздух.

— Ну что, ночуем у Тимофея и утром в обратный путь?

— Да скарб мой возьмите, — попросил Святослав.

— Да уж спины ломать. Ну да уж ладно, пошли, разберем.

АД

«Как же мы все удачно и быстро сделали. Все-таки Кузнецово хорошая деревня и Тимофей хороший. Святослава вот забрал в ученики. Он и не чаял, что так быстро получится. Вот хворь-то с одной стороны плохо, а с другой стороны вот как нам подсобила. Избу ему вычистили, кузню вычистили, угля я ему полную сусеку забил. Это он моим углем-то до самой зимы горн топить будет. И как я все-таки ему все прям кусочек к кусочку, из сусека будет хорошо все выпадать, удобно. Жаль, он мне кучу не дал подробить, я бы подробил. За отрез-то я бы ему три таких кучи подробил. Руки-то у меня ого-го, силушкой господь не обделил. Да и друзья у меня что надо, настоящие друзья. Подсобили во всем, ух хорошие друзья. На свадьбе всех рядом с собой посажу и самую лучшую брагу для них сварю. Ох свадьба, сколько же хлопот-то! Ох сколько хлопот, это ж еще надо в Митинское сходить, там же мамины родственники, нужно всех оповестить. В Зубарево еще надо и в Шеру. Ну да за пять месяцев-то всех оповестим».

— Добрыня, давай помогай, что встал-то колом? Я что, один должен все тащить?

— Тихо, Коль, сейчас подсоблю.

— Опять в голове своей женишься?

— Да вот думаю, сколько же всего нужно сделать, чтобы свадьбу сыграть, и дурно становится.

— Может, ну его, пока не поздно? Выброси отрез, скажи, что не сдюжил?

— Ну уж нет, это ж я на весь мир неудачником прослыву. Вот он, отрез, я его добыл, и Марфа моей станет.

— Да твоей, твоей, никто у тебя ее и не оспаривает, но ты же сам вот от хлопот приуныл.

— Да нет, я просто думаю, сколько ж дел-то переделать надо, одних родственников-то чтобы оповестить — почитай сто верст пройти надо.

— Да за это не переживай, сорока на хвосте быстрей ветра разнесет, столько гостей со всей округи придет, разместить будет негде. Ты вспомни, в прошлом годе Митька женился, так у них в Митинском кто только не приперся, даже мы с тобой. Хоть нас и не звали.

— Да уж, конечно, помню, избу Сороковские ему разнесли, а мы потом виноваты оказались, так двор ему два дня убирали.

— Так браги-то он мало сделал, вот и разнесли.

— Да где ж мало? Почитай тридцать ведер было-то браги. Все, не пугай меня, Коль, где ж мне-то столько браги взять? И избу еще также если разнесут? Нет, я с Сороково никого звать не буду, лихие они.

— И то верно, нужно сразу сказать, что кроме родственников кровных да друзей близких, больше никого не пустишь. Но все равно ведь припрутся все, кому делать неча.

— Ох.

— Да не горюй, Добрыня, мы-то тебе на что? Подсобим.

— Да только на вас и надежда. Ну что, мы когда в обратный путь?

— Тебя Тимофей-то отпустил?

— Да, ну тогда хоть сейчас пошли. Святослав же остается?

— Да он там в кузне, вовсю помогает. Тимофей его гоняет как сидорову козу.

— Он хотел же в ученики, вот пусть и учится. А тебе уже побыстрей хочется?

— Да, а как пойдем, через болото или напрямки?

— Да давай как в прошлый раз, пойдем напрямки, а если что, своротим, может, ушли уже.

— Тогда давай, может, сегодня и выйдем, так-то напрямки мы к вечеру и дома будем.

Сбор не был долгим, провожать было некому. Все дела, ради которых пришли в Кузнецово, выполнены. Поэтому, упаковав вещи и разделив груз Святослава честно пополам, ребята вышли в путь.

— Тяжело. Ох, тяжело, только бы печенегов не было на дороге, через болото с таким грузом мы долго идти будем.

— Да тут без привалов не выйдет. Хорошо, что в заплечники все поместилось, в руках ничего не тащим.

«Да уж, хорошо. На плечах-то всяко легче, чем в руках. Руки отянешь, потом аж плечи болят. А так только спина. Прав Колян. Может, свезет, так-то по прямой-то часа четыре, не дольше. Еще вечер не придет, уже дома будем».

Выйдя на дорогу, ребята зашагали в сторону дома, время от времени останавливаясь и прислушиваясь.

— Вроде тихо.

— Да тихо, вот только дымом пахнет.

— Может, траву подсекают?

— Да рано, трава-то зеленая еще.

— И то верно, но дымом явно пахнет.

Чем ближе ребята подходили к родной деревне, тем сильней становился запах дыма, а вместе с ним чувство тревоги.

«Может, все-таки это с другой стороны ветер? Может, лесной пожар? Как в прошлом годе? Тятя говорил, торфяники горят, точно это торфяники. Такой же запах. С деревней все в порядке, это точно торфяники».

— Коль, может, это торфяники? Помнишь, как в прошлом годе?

— Нет, Добрыня, не торфяники это. Беда в Сергеевском, оттуда дым.

— Может, побежим?

— Нет уж, смысла бежать, заплечники не бросишь. Пойдем уж чинно. Уж все равно, видимо, мы не изменим ничего, чуешь, уж дым-то сырой идет. Все, что могло сгореть, сгорело, но есть запах один в дыму, который меня до дрожи пугает.

— Может, это хлев чей?

— На это вся и надежда, Добрыня, что это хлев.

Запах дыма, который шел со стороны родной деревни, пугал не на шутку, так как это был запах сгоревшего жилья с примесью сгоревшей плоти, это был запах беды. С каждым шагом заплечники становились все тяжелей, хотелось их бросить и бежать со всех ног. Но вот куда бежать было непонятно, то ли в сторону беды, то ли от нее подальше.

Когда они вышли из леса и увидели родную деревню, они встали как вкопанные. Не веря своим глазам, до этого момента страх был в том, чтобы пожар не коснулся родного дома, но то, что они увидели, теперь поразило их полностью. Их деревни больше не существовало, все дома были сожжены, вместо домов торчали остатки закопченных пожаром печей.

— Что это, Добрыня? Как? Один дом, ну два. Но целая деревня? Как такое возможно?

— Печенеги! Только они дотла деревни жгут.

— Как? Зачем? Они что, нелюди?

Внутри у Добрыни закипала ярость, страшная, как огонь, который спалил его деревню. Кулаки сжимались и разжимались. Хотелось что-то делать, но вот что?

Оставшийся путь до деревни они дошли молча. В деревне не осталось никого, вообще ни одной души. Даже собак не было. Единственное, что уцелело, это был позорный столб в центре деревни. Столбом не пользовались уже очень давно, по крайней мере, Добрыня не помнил таких случаев. Но это было самое страшное для всех деревенских детей наказание. Применяли которое крайне редко. Но в качестве назидания оно все же было в центре деревни.

— Добрыня, там деда мой в колодках?!

— Не может быть?

Точно говорю тебе: Литарь это!

Тут уже не выдержав, Добрыня сбросил заплечник и бегом побежал к центру деревни. Чем ближе он подбегал, тем больше понимал: да, это был дед Коли. Самый старый житель их деревни был закован в позорные колодки. Уже не думая, что делает, Добрыня, срывая руки в кровь, начал выдирать его из колодок.

— Литарь, да как же это, — кричал он в голос. — Кто ж это сделал?

Стой, Добрыня, не спеши, ты ему голову оторвешь. Давай спокойней. Дедушка?

Добрыня чуть ослабил свои попытки освободить деда, он уже ничего не видел, дым от сгоревших домов уже не пробивался сквозь слезы.

Добрыня, помогай же, он живой!

Живой?!

На Литаре не было живого места, все лицо было в кровоподтеках, волосы из головы и бороды вырваны и опалены. Но он действительно был жив. Когда они положили его на спину рядом со столбом и укрыли курткой, он застонал и открыл глаза.

— Коля? Добрыня? Вы вернулись?

— Да, деда, это мы, что тут… что тут произошло, — с трудом сдерживая слезы, произнес Коля.

Печенеги. Сожгли все, кроме меня. Меня оставили. Иди в болото, к Лисе, расскажи все, что случилось, она знает, что делать. Ты, — он вдруг показал пальцем на Добрыню, — ты тот, кто ей нужен. Отомстите за всех и освободите свою невесту. А меня сожгите. Я вас прошу, не могу больше землю топтать. Сожгите сейчас же, не ждите, когда умру. Сила уходит по капле, сколько ж еще во мне ее, сожгите, умоляю.

Да что ты говоришь такое, Литарь? Как сжечь? Живого?

Я мертв уже, внучек, давно мертв. Ты еще не родился, я уже мертвый был. Не ждите, умоляю. Вот на пепелище дома меня забросьте и закидайте сверху все, что гореть может. Это моя воля! А сами ступайте к Лисе!

Какой Лисе?

К Бабе той на болоте, к ней идите. Ты дорогу должен помнить. Не медлите, нужно догнать их, она одна дорогу к мечу знает.

К какому мечу, деда?

Дед Литарь закрыл глаза и, похоже, умер. Коля приложил ухо к груди и сказал.

Живой он еще, что делать будем, Добрыня?

Нам идти надо, если мы хотим что-то сделать, идти немедля. Давай выполним его волю.

Но он живой же? Грех это!

Мертвый он. Сказал же.

Ааа, я не знаю, что делать! Никого не осталось, я один, Добрыня, как? У него сердце еще бьется, а его на угли бросить?

Коль! Мы должны это сделать. Вот смотри, дровница уцелевшая, тут его и положим. И дровами закидаем. Оставить мы его тоже не можем. Лучше уж так, чем в болоте.

Ааа, Добрыня, я не могу.

Добрыня наотмашь ударил по лицу Коле, да так, что тот упал на спину.

Добрыня, ты чего?

Соберись, гад! Нам нужно отомстить, ты слышал, что сказал дед? Мы выполним его волю и пойдем к бабе Яге твоей. Сейчас встал, взял его за ноги и помогай.

Колян пытался еще было что-то возразить, слезы уже не переставая текли по его щекам. Но удар по лицу привел его в чувство, вместе с этим ударом, который нанес ему только что Добрыня, кончилось детство Коляна, кончилось окончательно и бесповоротно.

Яга

Мы заблудились?

Нет, вот тропа, сейчас пройдем через болотину и у ее избенки будем.

Как тут можно жить? Это же центр болота? Чем она тут питается?

Да кто ее знает, чем. Может, корешками какими, да ягодой, а может, дичь тут ловит. Тут же много дичи.

«Да где тут дичь? Заяц разве что? Да и то, какой заяц в саму болотину попрет, что ему тут делать? Разве что за клюквой? Или что она тут сохатых жрет? Да какая разница, что там с Марфой моей? Что они с ней делают? Хоть бы она помогла, вот главное. А что она тут жрет? Да какая разница».

Болотину проходить было трудно, тропы, про которую говорил Колян, видно не было. Поначалу ноги проваливались в мягкий мох, но потом подо мхом начала хлюпать жижа, которая становилась то глубже, то мельче. Когда Добрыня провалился по колено, он не выдержал.

Колян! Ты уверен, что мы идем правильно? Тут же прям болотина, потонем.

Нет, Добрыня, не потонем, вон видишь деревья?

Да.

Там избушка ее, осталось всего чуть. Тут будет по колено, а дальше опять на твердое выйдем. Только ступай за мной, в сторону не сворачивай.

Да куда тут свернешь?

Я свернул, по пояс провалился, дед ругался на чем свет стоит. На все болото орал.

Ладно, иди вперед молча и не ори.

«Ишь старшего из себя возомнил, всего-то дорогу в болоте знает, а уже вон, как нос задрал. В прошлый раз нас травой вонючей измазал, еле отмылись, тоже все нос задирал. Зря Святослава в Кузнецово оставили, на троих бы сподручней было. Они там и не знают ничего, чем бабка эта поможет? Только время теряем, за княжеской дружиной посылать надо. Чтобы вдарил сволочам. Как же там моя Марфа?»

Эй, куда идете? Что надо?

Хриплый голос вырвал Добрыню из мыслей.

— Это я, бабушка, я летом к тебе с Литарем приходил, — ответил Колян, озираясь по сторонам, так и не поняв, откуда идет голос.

Ну приходил, и что? Я же сказала уже все. Зачем приперся да еще с другим остолопом?

Я не остолоп, я Добрыня, сам не знаю, какого лешего мы в это болото приперлись. Но Литарь перед смертью сказал, чтобы пришли к тебе. Так вот пришли, а теперь уходим.

Стой. Ишь ярый какой. А что с Литарем-то случилось?

Печенеги. Сожгли деревню дотла. Невесту мою в полон увели.

Отомстить хошь, да невесту вызволить?

Да.

Ладно, заходите.

«Ладно ей, зачем пришли? Что толку с этой старухи? Не будет толку, зря пришли. Колян в штаны, что ли, наложил? Стоит вот рот открыл».

Ты что встал? Пошли уже.

Откуда она говорила?

Какая разница откуда? Пошли уже, быстрей закончим, быстрей за дружиной княжеской пойдем. Литарь нам задачу поставил бестолковую.

Тише, она слышит.

Да и пусть слышит. Нет у меня времени тут старушечьи бредни слушать. Наслушался я сказок, к князю нам надо, да.

Тише, Добрыня, прошу, не простая она, точно тебе говорю, старше Лытаря, он перед ней на цирлах ходил.

Да что я перед Бабой Ягой на цирлах ходить буду? Не бывать этому.

Тут опять раздался хриплый голос, который шел непонятно откуда.

Лисой меня зови, Яга это из сказок ваших. Ярый ты, это хорошо, помогу тебе. К избе моей идите, Лытаренок знает.

— Коляном меня звать, — испуганно озираясь, проговорил он.

«Бабка-то не простая, реально, где она? Голос слышно, а ее не видно. Летает, что ли, ведьма старая? Не, не может летать, сказки все это. Хотя бабка реально не простая, Литарь тоже не простой. Не зря про него шептались, вон какой живучий. Может, и впрямь колдун? Так-то все говорили, что колдун, просто так не могли говорить, все-таки нет дыма без огня. Да хрен с ним, главное, чтобы помогли. Хотя чем они помогут».

— Добрыня, осторожней, провалишься.

— Ай, черт! — предупреждение Коляна прозвучало уже, когда Добрыня, весь в своих мыслях, шагнул в сторону и провалился по пояс в трясину. Близость сухого места расслабила осторожность, и, не дойдя двух шагов, он оказался в ловушке.

— Колян, дай чего-нибудь.

— Да что тут дать-то? Нет же ничего, ни деревца, ни веревки, — испуганно закричал Колян. Он уже вышел на сухое место, а Добрыня в это время уже погрузился по грудь.

— Отойди, Лытаренок, не суетись, вытащим.

Из-за спины Коляна появилась бабка, которая встала на край поляны и протянула Добрыне длинную клюку. Добрыня, не задумавшись о том, что с другой стороны клюку держит дряхлая старуха, потянул что было мочи, вытаскивая себя из трясины. Бабка же, уперевшись ногами в почву, не выпустила палки, но почва под ее ногами начала скользить в сторону болота.

Помогай, Лытаренок, тяжелый он, утащит меня.

— Да, конечно, сейчас. — Колян схватился за бабку и палку и что было сил начал тащить Добрыню. Топь неохотно, тяжело вздыхая, отпустила его. И он лег грудью на сухое место.

Фух, спасли добра молодца, два шага и не дошел, утоп бы, если бы не старая Лисица.

Добрыня с удивлением оглядел старуху. Она была действительно старой, дряхлой. Одежда, точней, лохмотья, висели на старых костях, через дырки показывая кожу цвета свечного воска. Но были в ее элементах одежды достаточно странные предметы. На ней был металлический затяжной пояс, на котором висел самый настоящий шестопер. С другой стороны висели ножны, в которых был длинный кинжал. На ногах у нее были сапоги, из какой-то чудной кожи, красного цвета. Чудесность была в том, что сапоги выглядели как новые. При этом вся остальная одежда на старухе была уже настолько старой и изношенной, что на ней буквально не было живого места.

— Ну что вылупился? Неприглядная? — спросила она Добрыню.

Да странная ты: шестопёр, кинжал, сапоги атласные. Ты прям воительница, только старая и в лохмотьях. Да и силы в тебе сколько, вон меня, считай, одна вытащила.

Ну не одна, Литаренок помог. Он тоже сильный.

Коля я.

Да черт с тобой. Что с Литарем-то? Что приперлись?

Печенеги деревню сожгли. Его к позорному столбу приковали, он велел себя сжечь и к тебе идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.